

Сергей Шабельцев

Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Религия в жизни эмигрантов-белорусов в Аргентине (XX в.–начало XXI в.)

Abstract

Religion in life of Belarusian immigrants in Argentina (the XXth century – the beginning of the XXI century). An article investigates the role of religion in life of Belarusian emigrants in Argentina. The key subject of the research is an analysis of the Orthodox Church development and Belarusians' participation in its activity. Besides, the author describes the role of certain Belarusian Orthodox priests serving in South America (Aphanasy Martos, Walentin, Iwaszewicz). The author concludes that emigration led to the decrease of level of religiousness of Belarusians. Orthodox churches became just meeting places for emigrants and served as connecting thread with homeland, memory of which was accompanied by acute nostalgia.

Статья посвящена осмыслению роли религии в жизни эмигрантов-белорусов в Аргентине. Основное содержание исследования составляет анализ развития православной церкви и участие белорусов в ее жизнедеятельности. Раскрывается роль и отдельных священников-белорусов, служивших на ниве православия в Южной Америке (Афанасия Мартоса, Валентина Ивашевича). Автор приходит к выводу, что эмиграция приводила к снижению уровня религиозности белорусов, а православные церкви становились для эмигрантов, по большей части, местом встреч и связующей нитью со своей родиной, воспоминания о которой сопровождалась острым чувством ностальгии.

Keywords

Belarusians in South America, diaspora, emigrants, Orthodox in Argentina, pro-Soviet organizations in Buenos Aires

Белорусы в Южной Америке, диаспора, эмигранты, православие в Аргентине, просоветские организации в Буэнос-Айресе

Присутствие белорусов в Аргентине имеет более чем вековую историю: первые эмигранты этой этнической группы прибыли на берега Ла-Платы в конце XIX в., но массовое переселение белорусов началось после 1905 г. До 1914 г. в Аргентину из Российской империи переселилось до 3 тысяч белорусов, а из II Речи Посполитой в 1921–1939 гг. – еще около 20 тысяч¹. Последней (третьей) волной считается совокупность переселенцев в 1946–первой половине 1950-х гг., когда в порт Буэнос-Айреса прибыло до 1 тысяч белорусов. Побывавший в 1959 г. на берегах Ла-Платы белорусский писатель Кастусь Губаревич говорил о более 30 тысячах здешних белорусов².

Христианство являлось неотъемлемой частью менталитета значительного количества уроженцев Беларуси. В середине 1960-х гг. Эмиль Цевловский оставил описание Каляд в столице Аргентины, хотя, возможно, несколько преувеличил приверженность эмигрантов белорусским традициям:

Прохаживаясь по залитым огнями улицам некоторых районов Буэнос-Айреса, уже издали, по веселому гомону на белорусском языке, смешанном наполовину с испанским, можно узнать, что живут тут белорусы. На это указывают громкие распевания белорусских колядок. Хоть аргентинские белорусы давно уже покинули родину, но обычаев предков они придерживаются. В каждой семье обязательно готовят кутью. Однако, тут ее ставят не в красный угол на сене, как некогда дома, а потребляют ее на дворе, в так называемом «патио» – выложенном каменными плитами или мозаикой дворике, часто оплетенном виноградом.

Традиционные постные блюда, как квас с грибами, селедцы, разная рыба, кисель с маком и другое, – смешиваются тут уже часто с блюдами аргентинскими, преимущественно мясными. Изыски колядной аргентинской кухни, это сладкая бабка, жареный поросенок, и различные другие жаренья – индюки, куры или просто большой кусок мяса, говядины. Запивают всё это яблочным сидром,

1 Cz. Partacz, *Ukraińcy w Polskich Siłach Zbrojnych w czasie II wojny światowej*, [w:] *Polska – Ukraina: trudne pytania*, t. 9: *Materiały IX i X międzynarodowego seminarium historycznego „Stosunki polsko-ukraińskie w latach II wojny światowej”*, Warszawa, 6–10 listopada 2001, red. Romuald Niedzielko, Warszawa 2002, с. 120.

2 К. Губарэвіч, *Паўсвета пад крыламі. 3 дарожных ураджванняў*, „Полымя” 1960, № 2, с. 146.

виноградным соком, содой. Белорусы, однако, остаются чаще верными старой белорусской «чарочке»³.

Поскольку белорусы не были едины в религиозном аспекте, остается открытым вопрос о количестве среди них представителей той или иной конфессии. По наблюдению Кастуся Мерляка, прибывшего в Буэнос-Айрес в декабре 1947 г., белорусы, в большинстве своем, являлись «малоземельными православными людьми»⁴. В издании «*Bielorrusia y los bielorrusos en la Republica Argentina*» (Буэнос-Айрес, 1953 г.), одним из авторов которого также является Кастусь Мерляк, приводятся следующие соотношения конфессиональной принадлежности белорусов: православных 55 тысяч (55 %), римо-католиков – 35 тысяч (35 %), греко-католиков – 5 тысяч (5 %), представителей других конфессий – 5 тысяч (5 %)⁵. Однако, приведенные данные выглядят фантастическими особенно в части общего количества белорусов (которых насчитывалось в середине XX века не более 30 тысяч) и не являются результатом каких-то научных исследований или опросов. Скорее, это стремление выдать желаемое за действительное: например, ни в печати, ни в воспоминаниях белорусов нет сведений о каком-то белорусе, являвшимся греко-католиком, а «*Bielorrusia y los bielorrusos en la Republica Argentina*» их насчитало 5 тысяч человек.

Кастусь Мерляк отмечал, что представители других национальных «колоний» имели свои общества при церквях. Например, поляки группировались при католических приходах, и белорусы-католики из II Речи Посполитой становились частью таких польских сообществ. Об участии белорусов в жизни католических общин, в силу отсутствия источников по этому вопросу, мы ничего определенного сказать не можем. Кастусь Мерляк, хотя и являлся православным, но в силу своих националистических устремлений, пытался найти белорусского католического пастыря, чтобы при нем объединить белорусов-католиков: делались предложения отцу Альфонсу Падзяве (г. Мендоза) и латышу, знающему белорусский язык, отцу Гришансу (г. Росарио). Но последнего это предложение не привлекло, а первого не отпустило его руководство. Обращение к белорусским священникам в Европе

3 Э. Ц., *Як аргентынскія беларусы святкуюць каляды*, „Беларус”, 01.1965, с. 6.

4 К. Мерляк, *Дзейнасць Кастуся Мерляка на эміграцыі. Пранікліваць і практычны падыход*, Нью Ёрк 1992, с. 88.

5 *Bielorrusia y los bielorrusos en la Republica Argentina*, Buenos Aires, 1953, с. 48–49.

тоже не дало результатов⁶. Таким образом, эти усилия оказались напрасными.

Православные эмигранты-белорусы из Российской империи и из II Речи Посполитой также не создали «национальные» приходы. При этом следует отметить низкий уровень религиозности белорусов. Конечно, на родине в Беларуси православная церковь занимала определенное место в повседневной жизни крестьян – их традиционная жизнь, весь природный цикл был «маркирован» религиозными праздниками и приметами: на Святого Юрия выгоняли домашний скот на свежую весеннюю траву, после дня Святого Ильи нельзя было купаться и т.д. Но после переезда прежняя традиция не могла быть продолжена, хотя бы в силу географического положения Аргентины. К тому же, торжества и обряды, посвященные основным христианским праздникам – Рождеству и Пасхе – в Беларуси окружены определенной аурой. С Рождеством (25 декабря) ассоциировалась зимняя погода, когда заснеженная природа создавала особенно волшебную обстановку, а весенняя Пасха символизировала пробуждение жизни. В Аргентине же все перевернуто: Рождество приходится на лето, а Пасха – на осень с ее сбором урожая. Кастусь Мерляк, приехавший в Аргентину в конце декабря, с этим столкнулся в первый же день:

В городе было довольно жарко для приезжих, но настроение вокруг было праздничное, так как это было перед сочельником на Рождество. Кастусь со своими спутниками вышли посмотреть ближайшую часть города, проходя по улице, стали потеть, когда увидели в окне большого Деда Мороза, одетого в зимнюю одежду с белой шапкой. Он смотрел на них и смеялся с того, что они потели, а ему хоть бы что⁷.

Сохранность белорусской традиции не могла быть обеспечена и в силу того, что абсолютное большинство белорусов стали жить не в сельской местности, а в аргентинских городах. В новых условиях прежние верования и обряды утрачивали свое значение в сфере коммуникации и производства: соседями по району были представители различных

6 К. Мерляк, *Дзейнасць Кастуся Мерляка на эміграцыі*, указ. соч., с. 86–89.

7 К. Мерляк, *Дзейнасць Кастуся Мерляка на эміграцыі*, указ. соч., с. 56.

народов, а работа на фабриках и в мастерских никак не соприкасалась с белорусскими народными приметами.

Утрата в Аргентине прежних традиций не является исключительно белорусской особенностью: газета «Русский в Аргентине» на примере жителей Чако утверждала, что это общеславянская черта – «забывать свое хорошее родное и перенимать чужое, пусть даже и худшее»:

Отсюда – ложный стыд исповедовать свою религию и совершать свои обряды, старание подделаться под чужую религию, а то и просто пуститься в безбожие, если к этому располагает среда. Отсюда – тот же стыд придерживаться родного образа жизни, своих национальных особенностей и обычаев⁸.

Потворствовало «безбожию» и то обстоятельство, что во многих местах севера Аргентины, куда попадали белорусы, в 1920–1940-е гг. отсутствовали даже католические церкви. Жители тех мест были предоставлены сами себе, и это могло привести к духовной деградации: «Царит распущенность и аморальность, так что и хороший человек, прожив тут несколько лет, вынужден будет рассобачиться»⁹.

После переезда в Южную Америку многие эмигранты оказались в состоянии «раздвоенности» и эмоционального дискомфорта: с одной стороны, они выросли в Беларуси и впитали в себя местные традиции, а с другой – осели в аргентинских городах, где их культурные особенности, частью которых являлись религиозные верования, были чужими. Поэтому, особенно для православных, посещение храма носило характер своеобразной психологической терапии, когда они могли соприкоснуться с исторической родиной и обрести душевный покой. Церковь становилась эмоциональной отдушиной и местом встречи земляков:

В Аргентине мои родители посещали православную церковь. Помню, что это была квартира с двориком. Я после рождения была крещена в православной церкви. И собирались там не столько потому, что это была вера, а для них это было место встречи всех

8 Б. Лихопой, *Жизнь славян в Чако (Из аргентинской жизни)*, „Русский в Аргентине“ 02.01.1938, с. 5.

9 М. Лапацон, *Усім тым, хто хоча ехаць у Амэрыку*, „Сялянская ніва“ 14.10.1926.

славян. И не только: моя крестная мама литовка, подруга моей мамы¹⁰.

Если кто-то из белорусов не желал ассимилироваться и смешиваться с аргентинцами, то они могли крестить своих потомков по православному обряду: такое крещение молодого поколения связывало их со своими белорусскими предками и противопоставляло их аргентинцам-католикам.

Тут мы все называемся Ортодокс, т.е. православные. Если мы своих детей не покрестим на православных, то они останутся католиками, а мы патриоты, соединяемся по вере и языку, по расе, но из нас настоящих верующих нет¹¹.

Примечательно, что автор процитированного письма Степан Самасюк говорит о том, что пойдет 9 апреля на всенощную в православную церковь, добавляя, что видится там со всеми старыми знакомыми. Если учесть его ремарку о том, что «из нас настоящих верующих нет», то получается та же двойственность, что и в описаниях Анны Бетько: посещение церкви – это дань традиции, участие в культовых ритуалах, а с другой стороны – встречи с соотечественниками и друзьями.

О низкой степени религиозности белорусов свидетельствует и «малозаметность» (часто полное отсутствие) какого-либо христианского компонента в деятельности белорусских общественных организаций, созданных эмигрантами из II Речи Посполитой (белорусы, переселившиеся из Российской империи, национальных организаций не создали). Издание Белорусской федерации в Аргентине – «Белорусский иллюстрированный календарь» – на своих страницах размещал православный и католический календарь. Но общее отношение к религии в этих «прогрессивных», ориентированных на СССР организациях «Белорусский иллюстрированный календарь на 1944 г.» отобразил следующим образом:

Православные белорусы в некоторых местах празднуют Рождество на 13 дней позже, чем белорусы-католики, а атеисты и трудящиеся

10 А. Бетько, в: С. Шабельцаў, *Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930–1960-я гг.)*. Зборнік дакументаў і ўспамінаў, Мінск 2009, с. 289–290.

11 Архив Общества „Радзіма“, письмо Степана Самасюка от 7.04.1966.

всего мира отмечают годовщину «октябрьской революции» 7-го ноября¹².

Разумеется, что всякий эмигрант, являвшийся членом «прогрессивной» организации и считавший себя «трудящимся человеком», скорее склонялся к празднованию Великого Октября, чем Рождества Христова. Только иногда в том или ином белорусском обществе эмигранты могли собраться на какой-нибудь крупный праздник:

В обществе отмечали все праздники – даже Пасху Христову. Православной церкви в Бериссо не было, но и в греческую наши не ходили – они все атеисты были. А отмечали по традиции, что ли¹³.

Отношение к религии в эмигрантских обществах характеризует и эпизод, описанный Михаилом Романовичем, который касался братьев Леоников – активистов и руководителей белорусского общества «Якуб Колас» (район Авельянеда (провинция Буэнос-Айрес)):

Старший брат Александра – Пэдро (Петя) – был крупным руководителем, но он там умер. Ему операцию сделали, и что-то неправильно. Гроб с телом стоял у нас в клубе, и мне запомнилось, как Александр пытался сорвать крест с крышки гроба. Мы ведь были воспитаны так, что религия – это опиум для народа¹⁴.

Среди белорусов, ориентированных на СССР, встречались и воинствующие атеисты. Так, Михаил Гуйский еще на родине (село Константиново (теперь Мядельский р-н РБ)) посещал костел, но не для молитвы Богу, а потому что хотел только послушать, «как там набивается клаки в головы мужикам». При этом он подчеркивал социальные различия среди молившихся: паны Сержинский и Хаминский сидели около самого алтаря и благодарили Бога за свое богатство, а бедный деревенский люд просил прощение грехов, но не избавлялся от своей

12 *Что такое календарь*, в: *Белорусский иллюстрированный календарь на 1944 год*, Буэнос-Айрес, 1943, с. 25.

13 *Карчик Е.*, [в:] С. Шабельцаў, *Беларусы ў Аргенціне*, указ. соч., с. 300.

14 *Романович М.*, [в:] С. Шабельцаў, *Беларусы ў Аргенціне*, указ. соч., с. 188.

нищенской жизни¹⁵. Через годы Михаил Гуйский из Буэнос-Айреса критично отзывался о советской газете, в которой разместили статью про концерты органной музыки в полоцком Софийском храме, а про свои убеждения написал: «Не есть я старо религиозным. Моя религия такая: иметь человечество, чистую совесть и стараться не делать никому зла»¹⁶.

Безусловным является то, что большинство среди белорусов в Аргентине составляли православные. О них можно говорить подробнее – сохранились многочисленные воспоминания и заметки в газетах, которые затрагивают их деятельность. Не смотря на то, что в Аргентине признается государственным католическое христианство, православные имеют свои церкви, могут свободно совершать свои обряды и службы. В Буэнос-Айресе еще 6 октября 1901 г. на улице Бразиль состоялось освящение православной церкви Святой Троицы (первая православная церковь в Южной Америке), настоятелем которой от основания храма на протяжении примерно 60 лет был священник Константин Изразцов. Постоянных прихожан церкви Святой Троицы, выходцев из Российской империи, до 1920-х гг. было мизерное число, а значительную часть составляли арабы-христиане, принадлежавшие к восточным церквям (большинство богослужений совершались по-арабски). Но после Гражданской войны на территории бывшей Российской империи в Аргентину стали прибывать белоэмигранты, которые опекались К. Изразцовым. Этот протоирей в 1926 г. создал «Русскую православную общину» и объявил себя «самоуправляемым главою Православной церкви в Аргентине»¹⁷. Организационно Константин Изразцов подчинялся возникшей в начале 1920-х гг. Русской Православной Церкви за границей. Поскольку Русская Православная Церковь за границей в Южной Америке епархии не имела, то все православные приходы в Аргентине находились в ведении Константина Изразцова.

Что касается прибывших после 1921 г. белорусов, то жизнь многих из них протекала вдали от повседневного православия. В городах редко действовали домовые церкви; многие знали, что в Буэнос-Айресе есть храм на улице Бразиль, но его если и посещали, то по великим праздникам. Большинство белорусов ограничивалось формулой: «верующий,

15 Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь [далее – НАРБ], ф. 1267, оп. 3, д. 90, л. 37–38.

16 НАРБ, ф. 1267, оп. 3, д. 90, л. 46.

17 Т. Нечаева, *Адаптація рускіх эмігрантаў у Латінскай Амерыке*, „Латінская Амерыка” 1996, № 12, с. 66.

но не практикующий». В результате отсутствия особого внимания со стороны эмигрантов к религиозному воспитанию своих детей, особенно в условиях, когда вокруг не было православных церквей, потомки белорусов часто становились католиками, принимая в школе конфирмацию (католической церкви). Тем самым потенциал православия в Аргентине еще больше снижался.

Отмежеванию части белорусов от православной церкви в Аргентине способствовало и антисоветская позиция ее клира. До 1946 г. в стране не было ни одной церкви, относящейся к Московскому Патриархату, а Константин Изразцов был настроен крайне антисоветски и в своих проповедях часто проклинал большевицкую власть. Его позиция не изменилась и после нападения нацистской Германии на СССР: Константин Изразцов выступил в аргентинской немецкой газете с утверждением, что лучше быть вассалами Германии, но свободно молиться, чем жить под «красной чумой». Эта статья и в гораздо большей мере проведение в церкви Святой Троицы молебнов «о падении Советской власти» вызвало острую негативную реакцию в среде белорусов, которые во время войны, наоборот, собирали деньги и средства в помощь Советскому Союзу.

Организационный раскол среди православных также мог содействовать сокращению количества прихожан. Организационные и личные проблемы взаимоотношений между клириками привели к тому, что Константин Изразцов в 1947 г. отказался подчиняться руководству Русской Православной Церкви за границей и ушел вместе с приходом Святой Троицы под юрисдикцию отделившейся от Русской Православной Церкви за границей Северо-Американской митрополии. Это решение вызвало негативную реакцию Русской Православной Церкви за границей, Синод которой учредил отдельную Аргентинскую епархию. В 1953 г. Собор РПЦЗ постановил присоединить Парагвайскую епархию к Аргентинской, и с тех пор парагвайские приходы подчиняются Буэнос-Айресской кафедре.

Затрагивая вопрос деятельности православных клириков в Аргентине, нельзя не упомянуть белоруса Афанасия (Мартоса), епископа Русской Православной Церкви за границей. Антон Мартос родился в 1904 г. в Слуцком уезде Минской губернии, в 1926–1930 гг. учился на православном богословском факультете Варшавского университета. В 1927 г. он был пострижен в монашество с именем Афанасий, служил в различных православных приходах межвоенной Польши. Во время

Второй мировой войны участвовал во Всебелорусском церковном соборе (март 1942 г.), на котором был принят Статут «Белорусской Автокефальной Православной Церкви». В 1944 г. выехал в Германию, где в 1946 г. вместе со всеми иерархами Белорусской митрополии перешел в состав Русской Православной Церкви за границей. Служил в приходах в Германии, Австралии, а затем был переведен в Аргентину.

Епископ (с 1957 г. – архиепископ) Афанасий прибыл в Буэнос-Айрес в 1956 г. в нелегкие времена: православные были расколоты на несколько церковных юрисдикций, и о. Афанасий должен был установить порядок в приходах Русской Православной Церкви за границей, вернуть в ее лоно Свято-Троицкую церковь, а также противостоять уходу прихожан в церкви Московского Патриархата. Вначале отец Афанасий укрепил свою власть внутри конгрегации, на имя которой в Аргентине были куплены участки земли и строились храмы. По уставу этой организации епископ не занимался имущественными вопросами. Такое положение отец Афанасий считал ненормальным и добился принятия устава, согласно которому епископ стал во главе правления конгрегации. Затем он решил воздвигнуть в Буэнос-Айресе кафедральный храм Русской Православной Церкви за границей: это установило бы прочную связь православной церкви с аргентинской землей, что придало бы уверенности ее приверженцам, поскольку отправление службы в арендуемых помещениях имело оттенок временности нахождения церкви на чужой земле.

Воздвижение кафедрального Воскресенского собора Русской Православной Церкви за границей и архиерейского дома при нем состоялась по улице Нуньес. Отец Афанасий призвал верующих жертвовать на это святое дело, и не ошибся в расчетах на помощь прихожан. Известно также, что для сбора средств на постройку храма отец Афанасий пустил в лотерею рисунки своего предшественника – архиепископа Иосафа, которого особенно чтили, например, в православном приходе г. Асунсьон (Парагвай)¹⁸.

Закладка собора была произведена в октябре 1957 г., а в июне 1958 г. в храме совершались регулярные богослужения. Отец Афанасий лично клал кирпич и штукатурку, выполнял столярные работы на протяжении четырех лет, воздвигая собор и архиерейский дом при нем:

18 Великоросс, *Открытое письмо архиепископу Афанасию*, „Сеятель“ 04.1968, с. 15.

Дружно помогали в этом деле добрые люди – одни деньгами, а другие работой. Имена всех их увековечены на таблице внутри собора для общего сведения всех и для молитвенного поминовения. Многие рабочие трудились бесплатно. Большие пожертвования деньгами и покупкой необходимого для ризницы и благоустройства храма сделала Н. Н. Кенигсберг. Сам я трудился физически, не гнушаясь никакой тяжелой и грязной работы. Все вносили свои посильные лепты в Божий дом¹⁹.

Устраивая церковную жизнь в Аргентине, отец Афанасий занимался не только решением материальных проблем Русской Православной Церкви за границей. Он организовал курсы священников (в 1968 г. в аргентинской епархии имелось 15 приходов без священников²⁰), принимал участие в издании журнала «Епархиальный вестник». Для помощи при похоронах родственников малоимущих прихожан отец Афанасий учредил Епархиальную Похоронную кассу. Из этой Кассы было выдано денежное пособие в более чем в 100 случаях смерти. Для поднятия религиозного и нравственного уровня молодежи организовал кружок, в рамках которого проводил беседы с представителями подрастающего поколения. На собрания молодежь собиралась раз в месяц, когда слушался один большой доклад (или два малых), после чего шли продолжительные дискуссии под руководством самого архиепископа.

Благодаря усердию архиепископа Афанасия в подчинение Русской Православной Церкви за границей в 1961 г. вернулся старейший православный приход в Аргентине с храмом Святой Троицы (это произошло уже после смерти Константина Изразцова). Тем самым был ликвидирован один из церковных расколов в Аргентине. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке 17 августа 1961 г. постановил наградить Архиепископа Афанасия правом ношения бриллиантового креста на клобуке. В Синодальном указе были перечислены его труды на церковной ниве с указанием построения Кафедрального Собора и возвращение в юрисдикцию Архиерейского

19 Архиепископ Афанас (Антон Мартас), *На ниве Христовой: у п'яцідзесятыя ўгодкі святарства 1928–1978. Успаміны*, Нью-Ёрк–Менск–Варшава 2005, с. 136–137.

20 Великоросс, *Открытое письмо архиепископу Афанасию*, указ. соч., с. 16.

Синода и Епархиального архиерея Аргентинской епархии Свято-Троицкого храма. Тем самым отец Афанасий был поставлен на положение одного из старейших архиереев РПЦ²¹.

Владыка Афанасий стремился искоренить разнობой при исполнении богослужений, чем грешили некоторые подчиненные ему священники. Он также велел по возможности убрать из храмов все атрибуты политической деятельности, которые разобщали и вносили раздор в православную среду. Последнее вызвало крайнее неудовольствие русских монархистов, которые видели свой долг в сохранении российского имперского наследия и стремились подчеркнуть свои политические взгляды и в церковной жизни. Например, в подчиненном аргентинскому архиепископу приходе в Асунсьоне (Парагвай) часть прихожан не хотела убирать из церкви памятную доску в честь последней императорской семьи, русский флаг, лампочки над алтарем в цветах русского флага, закладки из лент российских императорских орденов в Евангелии, русские национальные ленты с лампад. Недовольные прихожане обвиняли своего архиепископа в презрении ко всему русскому, в особенности к монархистам и бывшим военным²². К этим претензиям некоторые добавляли и обвинения в адрес Афанасия Мартоса в том, что он белорусский националист, о чем свидетельствовала, с их точки зрения, его книга «Беларусь в исторической государственной и церковной жизни» (Буэнос-Айрес, 1966 г.), в которой предисловие было написано на белорусском языке²³.

По воспоминаниям самого отца Афанасия, в 1968 г. проводилась в газетах и устно агитация против него:

Поначалу я переживал и скорбел, но вскоре привык, когда они не уни­мались. Основания для агитации не было, но они сами и все факты пере­вирали, сознательно искажая для эффекта. Благоразумная моя паства не придавала значения этой кампании против меня, но решительно выступала в мою защиту, для чего собиралась на общие собрания и выносила свое порицание смутьянам. Такое собрание состоялось в большом зале в городе в октябре 1968 года²⁴.

21 Архієпіскап Апанас (Антон Мартас), *На ніве Хрыстовай*, указ. соч., с. 142.

22 Великоросс, *Открытое письмо архиепископу Афанасию*, указ. соч., с. 15–16.

23 Архиепископ Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической государственной и церковной жизни*, Минск 2000, с. 5–6.

24 Архієпіскап Апанас (Антон Мартас), *На ніве Хрыстовай*, указ. соч., с. 143.

Те далекие события в воспоминаниях другого настоятеля храма Святой Троицы Валентина Ивашевича выглядят так:

Владыка Афанасий издал здесь книгу, посвященную истории Православия на Белой Руси. Это сопровождалось скандалом, поскольку его обвинили в белорусском сепаратизме. Я много общался с Владыкой и могу сказать, что ничего сепаратистского он не делал и цели такой не ставил²⁵.

Русский послевоенный эмигрант Игорь Андрушкевич, назначенный отцом Афанасием членом епархиального суда, также вспомнил о той конфликтной ситуации. По его словам, конфликт возник из-за противодействия Владыки попыткам российских монархистов во главе с неким Сахновским использовать церковь в своих политических интересах. Поскольку отец Афанасий не позволял придавать церковной деятельности политический окрас, произошел скандал. Во время конфликта оппоненты Владыки вели себя не подобающим образом, хамили, и отец Афанасий очень нервно на это реагировал. Однако, в какой-то момент Сахновский осознал свою неправоту, и на одном из мероприятий принес свои извинения:

Я был свидетелем этого: Сахновский сказал: «Я публично прошу у Владыки Афанасия прощения». Пошел к нему, стал на колени. И это говорит в его честь – не надо было хамить, но он признал это. И Владыка простил его²⁶.

Конфликт, таким образом, был разрешен, но, справедливости ради, следует сказать, что такого высокого накала он достиг отчасти из-за свойств характера самого отца Афанасия, который иногда был несдержан перед лицом неподобающего поведения. По воспоминаниям Игоря Андрушкевича, Владыка

был хороший человек, но он был очень нервный. Он страшно на всё реагировал. Если кто-то из церкви выходит на 10 минут раньше – он начинал психовать.

²⁵ Личное собрание С. Шабельцева, *Запись беседы с В. Ивашевичем от 27 июля 2010 г.*

²⁶ Личное собрание С. Шабельцева, *Запись беседы с И. Андрушкевичем от 18 августа 2010 г.*

Игорь Андрушкевич отметил еще одно личное качество Афанасия Мартоса – его четко выраженную антикатолическую позицию. Это было обусловлено притеснениями, которые вынесла православная церковь в межвоенной Польше.

У него было обостренное чувство против дискриминации со стороны католицизма. Но это у него не распространялось далеко: я его встретил в городе, и он, проходя мимо церкви, сказал: «Пойду переkreщу лоб». Он ходил в католическую церковь, он не говорил, что туда нельзя войти. Но он говорил, что они к нам относятся так²⁷.

В 1969 г. Архиепископа Афанасия руководство Русской Православной Церкви за границей перевело из Аргентины в Австралию, но в 1972 г. он возвратился в Буэнос-Айрес, где его радостно приветствовали старые знакомые. Отец Афанасий спешно провел косметический ремонт построенного им собора, а в последующем его деятельность сводилась к совершению богослужений и проповедей в храмах епархии. Восстановить духовные беседы с молодежью не удалось, вследствие незнания последними русского языка. В 1979 г. вместе с аргентинской паствой Владыка Афанасий отпраздновал 50-летие своего пастырского служения. В 1983 г. Афанасий (Мартос) скончался в Буэнос-Айресе, а его тело было вывезено в США, где похоронено на братском кладбище у собора Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (штат Нью-Йорк).

Среди послевоенных беженцев-белорусов Афанасий Мартос являлся не единственным священнослужителем РПЦЗ. Уроженец белорусского Полесья А. Гейхрех, переехавший из Германии в Аргентину в 1949 г., в 1953 г. стал дьяконом в церкви Святой Троицы (Буэнос-Айрес), а на Рождество 1963 г. был рукоположен Владыкой Афанасием в священники. Известно, что он совершал поездки в самые отдаленные уголки Аргентины и даже в Бразилию, чем поддерживал православие, в том числе и среди белорусов. В 1964 г. служил в церкви Баразатеги (провинция Буэнос-Айрес)²⁸.

Еще одним белорусом (только принадлежавшим к межвоенной волне эмиграции), который оставил свой след на ниве православия

27 Личное собрание С. Шабельцева, *Запись беседы с И. Андрушкевичем от 18 августа 2010 г.*

28 Э. Цяўлоўскі, *Праваслаўны прыход у Бэразатэгі. Ліст ад 30.09.1964*, Беларускі Інстытут Навукі й Мастацтва, Запісы 38, 2016, с. 151–152.

в Аргентине, был уроженец деревни Нечатово (Пинщина) Валентин Ивашевич (1936–2015 гг.) В 1937 г. семья Ивашевичей переселилась в Буэнос-Айресе, где Валентин окончил школу, женился и выбрал для себя стезю священнослужителя. В 1968 г. он был рукоположен в сан диакона о. Афанасием (Мартосом), а спустя год стал вторым священником в храме Святой Троицы (Буэнос-Айрес). Его приход в церковь пришелся на тяжелое время, когда Московская Патриархия затеяла судебную тяжбу, пытаясь забрать себе этот старинный православный храм. Ход судебного дела вел к тому, что процесс выиграет советская сторона: первый священник церкви бездействовал, а прихожане были деморализованы. В этой ситуации отец Валентин вместе с друзьями взял инициативу в свои руки: именно он посещал судебные палаты, изучал законы, привлек к делу опытных юристов. В результате процесс был выигран, а Московская Патриархия должна была возместить судебные издержки. Но поскольку деньги из Москвы так и не были переведены, вынуждены были заплатить огромную сумму – 20 тыс. долларов – прихожане церкви Святой Троицы (в том числе и семья Ивашевичей).

Помимо своей пастырской деятельности в Буэнос-Айресе отец Валентин большое внимание уделял и работе в провинциях Аргентины. Он приложил свою руку к возрождению православного прихода в местечке Трес-Капонес (штат Мисьонес): организовал верующих, инициировал и контролировал строительство нового здания церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Будучи священником, он не гнушался и физической работы; более того – собственноручно изготовил керамический иконостас, который напоминал убранство первой в Аргентине церкви Святой Троицы в Буэнос-Айресе. И теперь купола Свято-Покровского храма в Трес-Капонес изображены на гербе местного муниципалитета.

В 1977 г. отец Валентин стал в столице Аргентины настоятелем храма Святой Троицы, который его усилиями был отремонтирован (настоятель жертвовал на восстановление и свои личные деньги). При церкви, в том числе и его усилиями, было создано братство Сергия Радонежского, члены которого вели дискуссии на духовные темы, занимались переводами текстов на испанский язык. Отец Валентин в 1991 г. был возведен в сан протоиерея, обслуживал многие церкви в Аргентине. После распада СССР выступал категорически против объединения Русской Православной Церкви за границей и Русской

Православной Церкви Московского Патриархата, постоянно напоминая, что московские представители остались должниками, не выплатив положенную сумму после проигрыша судебного процесса в 1960-х гг.

Церкви Русской Православной Церкви Московского Патриархата на территории Аргентины появились после окончания Второй мировой войны, когда после Великой Победы международный авторитет СССР был необычайно высок. Решением Синода Русской Православной Церкви от 29 июня 1946 г. была учреждена Аргентинская епархия, и в Буэнос-Айрес был направлен епископ Федор. 10 июля 1947 г. в столице Аргентины был освящен храм Московского Патриархата (ставший кафедральным) Благовещения Пресвятой Богородицы. Решающим фактором при организации эмигрантами этого прихода была принадлежность к тому, что являлось частью их родины:

А как глубока была радость всех нас, когда в пасхальную ночь больше двух тысяч человек заполнили наш скромный храм и прилегающую улицу, для того чтобы слышать и петь Христос Воскресе!, сознавая, что в эту ночь сто миллионов верующих воссылали Богу то же самое песнопение на далекой Родине наших отцов²⁹.

Русская Православная Церковь Московского Патриархата в Аргентине начала активную деятельность, что привело в 1948 г. к переходу под ее управление прихода храма Воскресения Христова в колонии Жапезу (Мисьонес), который ранее подчинялся Константину Изразцову. В том же Мисьонесе было организовано еще два прихода Русской Православной Церкви, которые построили храмы. Но перевести под свою юрисдикцию собор Святой Троицы, как уже было сказано, Русской Православной Церкви не удалось.

Среди руководителей Аргентинской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата выделялся своей инициативностью Архиепископ Лазарь (Швец) (управлял в 1980–1989 гг.) Его стараниями был построено в Буэнос-Айресе пятиэтажное здание епархии Русской Православной Церкви, храм в г. Лянус; в 1988 г. по случаю широко отмечаемого 1000-летия крещения Руси была переименована

29 Личное собрание С. Кортеса, *Доклад приходского совета Благовещения Пресвятой Богородице. 1948 г.*

площадь Чаркес в площадь святого князя Владимира. С началом «Перестройки» в СССР стало меняться отношение к религии, и эти изменения докатились и до Южной Америки. Лазарь был выходцем из Тернопольской области Украины, для многих местных украинцев он был земляком. Архиепископ стал частым гостем на торжествах, которые устраивали в Аргентине просоветские украинцы и белорусы, давал интервью их газетам, где приветствовал новую религиозную политику в Советском Союзе. Когда автор этих строк в 2010 г. побывал в Аргентине, то во время встреч с руководителями клуба имени Николая Островского услышал характеристику Лазаря «как большевика в рясе». Об этом архиепископе отзывались положительно, и оказывали в свое время ему содействие в деле создания архиерейского хора (хотя сами руководители клуба являлись атеистами).

Руководство просоветских клубов в Буэнос-Айресе не препятствовало деятельности представителей Московского Патриархата. Со временем, когда коммунистические идеи становились всё менее популярными, православная церковь заполняла освобождавшуюся нишу и для многих становилась основной связующей нитью между эмигрантами и их далекой родиной. Так, белоруска Анна Споровец (дочь эмигранта из-под Дрогичина) в середине 1950-х гг. переехала в БССР, но, разочаровавшись в советской действительности, спустя несколько лет вернулась в Аргентину. В 1984 г. в газете «Родной голос» она обратилась с призывом к «соотечественникам» жертвовать на православный храм в честь всех святых в земле российской просиявших (г. Лянус):

хочется, чтобы и наша совесть была также оправданной перед христом, людьми нашими, проживающими здесь в Аргентине, и нашим великим русско-православным народом.³⁰

Из приведенной цитаты становится понятно, что православная церковь являлась еще одним консолидирующим фактором для ориентированных на СССР белорусов и украинцев.

Как можно убедиться, ни Русская Православная Церковь за рубежом, ни Русская Православная Церковь Московского Патриархата не стремились объединить в своих приходах исключительно белорусов – последние были только частью православных прихожан, которые,

30 А. Споровец, *Обращение к соотечественникам*, „Родной голос” 29.03.1984, с. 2.

как правило, лояльно относились к России или к СССР. Из-за этого многие послевоенные эмигранты, обладавшие высоким уровнем белорусского самосознания, не испытывали желания состоять в «общерусских» приходах. Они пытались создать приход Белорусской Автокефальной Православной Церкви, а после постигшей их неудачи в этом предприятии посещали приход Святого Покрова Украинской Автокефальной Православной Церкви³¹.

В настоящее время эмигранты или их потомки могут крестить своих детей в православных церквях Аргентины. По состоянию на 2015 г. в стране действовали 11 русских православных храмов, которые относились к различным юрисдикциям: 5 церквей – к Каракасской и Южно-Американской епархии Русской Православной Церкви за границей, 5 – к Аргентинской и Южноамериканской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата, 5 – к Сан-Паульсской и Южно-Американской епархии Русской Православной Церкви за границей (А). Русская Православная Церковь за границей (А) была образована в мае 2007 г. частью священнослужителей Русской Православной Церкви за границей во главе с епископом Агафангелом, выступившими против подписания между Русской Православной Церковью и Русской Православной Церковью за границей «Акта о каноническом общении», согласно которому Русская Православная Церковь за границей становится самоуправляемой частью Русской Православной Церкви Московского Патриархата. В Аргентине лидером Русской Православной Церкви за границей (А) был Валентин Ивашевич, служивший в храмах Святой Троицы (Буэнос-Айрес) и Покрова Пресвятой Богородицы (Трес Капонес, Мисьонес).

Помимо католиков и православных среди белорусов в Аргентине встречались и протестанты, многие из которых были связаны с расположенной в Парагвае, недалеко от границы с Аргентиной, колонией Фрам (окрестность города Энкарнасьон). Позиции протестантов в здешних парагвайских колониях были очень сильны, что русский журнал «Сеятель» в 1968 г. объяснял их удаленностью и отсутствием тут православных священников:

Вот уже десяток лет нет ни одного православного священника в русских (точнее белорусских) колониях – деревнях в районе

31 К. Мерляк, *Дзейнасць Кастуся Мерляка на эміграцыі*, указ. соч., с. 86–88.

Энкарнасьона. Баптисты, адвентисты, евангелисты, субботники и прочие сектанты собирают богатый урожай среди православных душ. Таким образом православные стали противниками веры православной, хотя их отцы 30-35 лет тому назад переселились в Парагвай из Польши именно для того, чтобы сохранить свою веру, а таких много тысяч³².

Среди местных протестантских активистов было немало белорусов: например, в построенной школе колонии Фрам пятидесятники проводили спевки под руководством Николая Сабича (уроженца местечка Раков (теперь Воложинский р-н РБ))³³. Но говорить о том, что все они перешли из православия в протестанты в Парагвае, было бы не совсем корректно. Определенная часть из них являлась протестантами еще до эмиграции из II Речи Посполитой. Например, два дяди (братья матери) Михаила Коржика переселились во Фрам в 1936 г., и один из них – Степан – был главой общины пятидесятников (в 1960-е гг. переехал в США). В протестантизм еще в Беларуси перешла и семья Прокопчуков³⁴.

Николай Сабич, Коржики, Андрей и Марта Прокопчуки, а также еще один известный белорус-протестант Николай Червяк в разные годы переехали из Парагвая в Аргентину. При этом Николай Сабич, Андрей и Марта Прокопчуки являлись проповедниками, много ездили по Аргентине и несли свою веру всем жителям страны. Один из руководителей просоветского общества имени Висариона Белинского Владислав Гайлевич утверждал, что

часть наших соотечественников – большинство украинцев, переместившихся из Парагвая в Аргентину – состоят в разнородных организациях религиозного характера: евангелистов, баптистов и прочих. Разумеется, что параллельное существование таких организаций негативно отражается на наши организации³⁵.

И понятно почему, ведь в просоветских организациях культивировался атеизм, а протестанты отличались большой религиозностью, и само

32 Великоросс, *Открытое письмо архиепископу Афанасию*, указ. соч., с. 19.

33 Н. Сабич, *Школьный вопрос*, „Русский в Аргентине” 26.08.1939, с. 6.

34 А. Прокопчук, *По прекрасным местам: Автобиографическая повесть*, Брест 1999.

35 Архив Общества „Радзіма”, письмо Владислава Гайлевича от 11.09.1978.

их присутствие у некоторых белорусов порождало сомнения в правильности безбожия. Например, завсегдатай общества имени Максима Горького Михаил Романович, говоря о Терешковичах, таких же как и он уроженцах Полесья, наблюдал непривычные для себя ритуалы:

Тереховичи были очень религиозные: придут в гости, встают, молятся перед едой. Мы подождем, а потом у нас застолье. Это огромная семья из Бериссо, человек девять детей³⁶.

Таким образом, переезд в Аргентину привел к снижению роли религии в жизни белорусов – многие эмигранты теряли саму возможность посещать церкви. Отношение большинства белорусов к религии можно охарактеризовать как формальное (праздники иногда соблюдали, но всерьез не верили) или «обрядно-благочестивое» (обряды соблюдали как дань традиции и вере). Оторванность от своей традиции и отсутствие постоянного духовного «окормления» со стороны церкви могли привести к смене конфессии (к переходу из православия в католицизм или протестантизм) или к открыто атеистической позиции эмигрантов.

Белорусские эмигранты в своем большинстве принадлежали к православной церкви, что само по себе подчеркивало их национальную самобытность в Аргентине. Православные храмы (где они существовали) служили отдушиной для верующих, местом встреч для земляков, которые могли пообщаться между собой, обменяться новостями и снять внутреннее напряжение, обусловленное утратой традиции и чувством ностальгии. Православные в Южной Америке не были едины и становились членами приходов, принадлежавших православным церквям разных юрисдикций. Белорусских национальных приходов в Аргентине создано не было, и белорусы внесли свой вклад в развитие различных церквей на уровне простых прихожан, а также в качестве влиятельных священнослужителей.

36 Романович М., в: С. Шабельцаў, *Беларусы ў Аргенціне*, указ. соч., с. 188.

Bibliografiâ

Arhivnye istočniki

- Arhiv Obšestva „Radzima”, pis’mo Stepana Samasûka ot 7.04.1966.
 Arhiv Obšestva „Radzima”, pis’mo Vladislava Gajleviča ot 11. 09. 1978.
 Belaruski Instytut Navyki j Mastactva, Ė. Cãulouški, *Pravaslaŭny pryhod u Bèrazatègi. List ad 30.09.1964*. Zapisy 38, 2016, s. 151–152.
 Ličnoe sobranie S. Kortesa, *Doklad prihodskogo soveta Blagovešeniâ Presvâtoj Bogorodice. 1948 g.*
 Ličnoe sobranie S. Šabel’ceva, *Zapis’ besedy c I. Andruškevičem ot 18 avgusta 2010 g.*
 Ličnoe sobranie S. Šabel’ceva, *Zapis’ besedy c V. Ivaševičem ot 27 iŭlâ 2010 g.*
 Nacyânal’ny arhiŭ Rëspubliki Belarus’, f. 1267, op. 3, d. 90.

Opublikovannye istočniki; pressa

- Arhieiskap Apanas (Anton Martas), *Na nive Hrystovaj: u pãidzeczãtã ŭgodki s’vâtarstva 1928–1978. Uspaminy*, N’ŭ Ėrk–Mensk–Varšava 2005.
 Arhiepiskop Afanasij Martos, *Belarus’ v istoričeskoj gosudarstvennoj i cerkovnoj žizni*, Minsk 2000.
Čto takoe kalendar’, v: *Belorusskij illŭstrirovannyj kalendar’ na 1944 god*, Buènos-Ajres, 1943, s. 25.
 Ė. C. *Âk argentyŭskiâ belarusy s’vâtkuïc’ kalãdã*, „Belarus” 01.1965, s. 6.
 Gubarëvič K., *Paŭsveta pad krylamy. Z darožnyh uradźvannãŭ*, „Polymã” 1960, № 2, s. 146.
 Lapacon M., *Usim mym, hto hoča ehac’ u Ameryku*, „Cãlãnskaâ Niva” 14.10.1926, s. 3–4.
 Lihopoj B., *Žizn’ slavãn v Čako (Iz argentyŭskoj žizni)*, „Russkij v Argentine”, 29.01.1938, s. 5.
 Merlãk K., *Dzejnasc’ Kastusã Merlãra na ãmigracyi. Pranklivasc’ i praktyčny padyhod*, N’ŭ Ėrk 1992.
 Prokupčuk A., *Po prekrasnym mestam: Avtobiografičeskaâ povest’*, Brest 1999.
 Sabič N., *Škol’nyj vopros*, „Russkij v Argentine” 26.08.1939, s. 6.
 Sporovec A., *Obrašenie k sootečectvennikam*, „Rodnoj Golos” 29.03.1984, s. 2.
 Šabel’caŭ S., *Belarusy ŭ Argencine: gramadskaâ dzejnasc’ i rëmigracyã ŭ SSSR (1930–1960-ã gg.)*, Zbornik dokumentaŭ i ŭspaminaŭ, Minsk 2009.
 Velikoross, *Otkryoe pis’mo arhiepiskopu Afanasiu*, „Seãtel’” 04.1968, s. 15–19.

Issledovaniâ

- Bielorrusia y los bielorrusos en la Republica Argentina*, Buenos Aires 1953.
 Nečæeva T., *Adaptaciã russkikh ãmigrantov v Latinskoj Amerike*, „Latinskaâ Amerika” 1996, № 12, s. 64–71.
 Partacz Cz., *Ukraiŭcy w Polskich Silach Zbrojnych w czasie II wojny ŭwiatowej*, [w:] *Polska – ŭkraina: trudne pytania*, t. 9: *Materiały IX i X miãdzynarodowego seminarium historycznego „Stosunki polsko-ukraiŭskie w latach II wojny ŭwiatowej”*, Warszawa, 6–10 listopada 2001, red. Romuald Niedzielko, Warszawa 2002, s. 89–120.